

63.3 (2Р36-4КУР)

п 55

100000

марафонский поэтический
конкурс «Большой Фонд»

от составителей

ПОМНИ ВОЙНУ

Том IV

ДЕТСТВО, ОПАЛЕННОЕ ВОЙНОЙ

Курганская областная библиотека им.
А. К. Юргола 2004

Книгохранилище

002К

К03(07)

Посвящается 60-летию Победы
в Великой Отечественной войне

ПОМНИ ВОЙНУ
Том IV
Детство, опаленное войной

Книга издана по инициативе Губернатора
Курганской области О.А.Богомолова

Составители: А.И.Букреев, В.А.Есетов

Администрация Курганской области, составители выражают искреннюю признательность воспитанникам и воспитателям детских домов, журналистам, краеведам, работникам архивов – всем, кто проявил заинтересованное участие в подготовке к изданию этой книги.

Сборник отражает героические и трагические страницы истории области, показывает лучшие качества Зауральцев: мужество, трудолюбие, милосердие, сострадание, готовность прийти на помощь в трудную минуту. Книга рассчитана на все категории читателей и может быть использована при изучении истории родного края в учебных заведениях области.

ISBN 5-86047-181-5

ИХ ДЕТСТВО «ЗОЛОТОЕ» В СЕРЕБРЯНОМ ПРОШЛО

Этого большого и красивого села с блестяще-лаковым названием – Серебряное уже нет. Остались только погост да заброшенный яблоневый сад, посаженный когда-то давным-давно неокрепшими руками детдомовцев. Да и детдома того тоже нет. Но живы еще люди, населявшие его, – его воспитанники, воспитатели. В их письмах, воспоминаниях оживают те суровые военные годы, когда сюда в 1941 году из самого пекла Великой Отечественной - из Пронска, что под Москвой, был эвакуирован детский дом.

«Казенные» и «домашние»

Их привезли от вокзала на подводах – более сотни, и совсем малышей, и 15-16 - летних подростков. Детей войны. Деревенские высыпали на улицу, чтобы посмотреть на москвичей. И взрослые, и дети, измученные долгой дорогой, испуганные подступавшей к Москве войной, поначалу воспринимались как чужаки - «акали» не по-здешнему, одеты были лучше деревенских, а в школу так вообще ходили в невиданной тогда форме. И вообще, казалось, были на одно лицо из-за одинаковой одежки.

- Я сразу с детдомовскими подружился, не вылезил, можно сказать, от них, - вспоминает Александр Яковлевич Тягунов. – Учились мы в одной школе, а после занятий я бежал в детдом. Там все было интересно и необычно. В настольные игры играли, в волейбол, на качелях качались. С деревенскими детдомовцы жили дружно. Иногда, конечно, ссорились. И вот что запом-

нилось – если, не дай Бог, наши кого-то ихнего тронут, – поднимались детдомовцы за своего города.

А впрочем, что им было делить – «домашним» и «казенным» детям? У тех и у других на фронте воевали и гибли отцы, и те и другие собирали колоски на колхозном поле, бегали купаться на озеро Соленое.

Разместили детский дом в школе, а ту, соответственно, перенесли в бывшую церковь.

Серебрянский детский дом

В детдоме было на 120 ребятишек пять спален, вестибюль, длинный коридор, кухня, столовая, ну и кабинеты администрации, конечно. Главной же была директор – Мария Яковлевна Мукосеева. Строгая, не в меру вспыльчивая и эмоциональная. Могла накричать, затоптать ногами, но через день забывала о причине гнева. Понять ее, конечно, можно было – откуда быть нервам, если такую ораву провезла через всю страну, если каждый мешок муки приходилось выбивать для сирот в

облоно, а под ногами крутились еще трое своих, родных детей.

Мария Яковлевна Мукосеева

Все воспитанники ее жуть как боялись, даже под кровати, бывало, прятались, заслышав начальственный

шаг. Однажды, услышав, как Мария Яковлевна накричала на любимую воспитательницу, подстроили Мукосеевой ловушку — на тропинке, по которой та должна была непременно пройти, выкопали ямку и притрусили ее снегом. Ногу директор чуть не вывихнула. Жестокость детская или справедливый максимализм, как знать?

Мукосеева, коренная москвичка, так и осталась в Серебрянском детском доме вплоть до его расформирования в 1958 году. И в столицу уже не вернулась. Москвичками были и воспитатели Барабанова (Баранцева) Валентина Ивановна, живущая теперь (надеюсь, что живущая) в Кургане, Валентина Михайловна Северная, осевшая после 1958 года в Челябинске, Лана Александровна Трапезникова, ныне покойная. Да и ребятня почти вся была московская или «подмосковная». Постепенно, по мере выхода коренных детдомовцев во взрослую жизнь, ребятня разбавлялась местными сиротами, полусиротами, теми, у кого родители сидели за колоски и прочие «страшные» преступления, или по причине военного и послевоенного лихолетья не могли элементарно прокормить сыновей и дочек. Разбавлялся и воспитательский контингент местными педагогами. Так, например, появилась в детдоме в 1948 году молоденькая совсем воспитательница Нина Нохрина, 17 лет от роду.

Как Ниночка Ниной Федоровной и «мамой» стала

За плечами у Ниночки было Шадринское педучилище, дошкольное отделение. Не удивляйтесь, школы-то тогда были семилетки, вот и получали к 17 годам мальчики и девочки уже взрослые специальности. И судьбу, стало быть, взрослую. Ее, выпускницу училища, и заприметила в облоно прибывшая туда по каким-то нуждам Мукосеева. Заприметила и сманила воспитателем в свой детдом.

- Конечно, сначала ох как трудно было! – вспоминает Нина Федоровна. – Представьте, мне 17 лет и воспитаннику-переростку Филе Щербакову почти столько же, выше меня на полголовы, хулиганистый. Его на педсовет вызовут, и давай стыдить: «Выше воспитателя вырос, а ведешь себя как!» Потом, правда, нашла с ним общий язык. До сих пор письма из Москвы пишет, а подписывается «ваш воспитанник Филя».

Ниночка первое время так страшилась грозную Мускоееву, что боялась кушать в столовой, как это было принято среди персонала. Повариха, тетя Мотя, бывало, за руку притащит: «Садись, ешь, я у дверей покараулю, чтобы Она не пришла». И коллеги-воспитатели о ней поначалу, чуть усмехаясь, говорили: «Нина, которая около стеночки ходит».

А ребятишки любили очень. Ждали, когда придет (воспитатели дежурили с 7 утра до 10 вечера). Ждали, как ждут маму. Шура Ежова, что живет в Луге, написала в одном из писем Нине Федоровне: «Вы всегда нам что-нибудь оставляли под подушкой. То, что в столовой останется или из дома принесете. Как мама!» А вот Нина Федоровна этого почти не помнит. Может, потому, что делала это интуитивно, привязавшись к этим обездоленным детям как к братьям и сестренкам, а потом, как и к своим родным.

Зато помнит она своих любимиц сестер Глаголевых – Улю и Нюсю. Уля была артисткой! Каждую субботу и воскресенье в вестибюле детдома устраивались танцы. Самоучки Коля Осипов, Кузя Родин и Филя Щербаков шпарили на баянах польки и вальсы. Ульянка танцевала до самозабвения!

Самый большой стресс Нина Федоровна пережила, когда погиб Ваня Вяткин. Нелепо, глупо, не успев следом за Федей Ковачинским соскочить с качелей. Его похоронили здесь, на Серебрянском кладбище...

Нина Федоровна так и осталась сначала в детдоме, а потом и вообще в педагогике. И в Серебряном осталась. Только фамилию поменяла на Тягунову. Да-да!

Александр Яковлевич Тягунов, не вылазивший когда-то мальчишкой из детдома, в 1944 был призван на войну, а, вернувшись с фронта, обнаружил на постое в родительском доме симпатичную квартирантку Нину. А когда зашел вечером на огонек по старой памяти в детдом, встретил и там черноокую Нину. Она так и осталась в родительском доме Александра. Судьба!

Когда у них народились старшие сыновья, Виктор, Саша и Коля, они тоже дневали и ночевали в детском доме, рядом с мамой и друзьями. Воспитанники малышей любили, задаривали пряниками и конфетами.

Кстати, пряники да конфеты в деревне не видывали, наверное, до 60-х годов. Потому считались они экзотическим лакомством. А детдомовские, вот чудаки! – утаскивали их втихоря из столовой и с удовольствием меняли на домашние кулагу, паренки, простоквашу.

Как детдомовцы сад заложили

А вообще, детский дом – это было целое хозяйство. Отлаженное, работающее. Я уже не говорю о самом здании, где все сияло чистотой, несмотря на сильную скученность. У детдомовцев были свои мастерские, в том числе и швейная (представьте только, что значила швейная машинка в военные-то годы!), были свои кони для работы и выезда (потом появился и грузовик), свиньи, куры и прочая живность. Построили и свою баню.

- Очень трудолюбивые были ребятишки, - вспоминает Александр Яковлевич. – У леса сами распахали пустоши, устроили огород и засадили его огурцами. У наших в огурешниках таких не нарастало, как у них на земле. Придешь, бывало, к ним на поле, когда урожай собирают, - а этих огурцов там горы. Угощают: бери, Саша, ешь сколько хочешь!

Они и на колхозных работах не отставали от деревенских, а по вечерам в спальнях шили кисеты, паковали посылки бойцам на фронт.

А в 1950 году детдомовцы разбили сад. Лаврентий Ковалев, местный коммунист-активист и большой любитель садоводства, помог правильно все устроить, достать саженцы яблони, смородину, малину. Каждый своими руками посадил по деревцу. В 1982 году, когда была устроена первая и единственная встреча серебрянских детдомовцев, они первым делом пошли в сад. А когда вступили в него, уже заброшенный в ту пору и запущенный, каждый побежал к своему, именно своему (!) деревцу. И почти все, не стесняясь, плакали. Плакали и еще раз. Здание детдома, когда Серебряное было ликвидировано, перевезли в Слевки и вновь там устроили школу. И вот в том самом 82-м, готовясь к встрече, тогдашний директор совхоза Геннадий Андреевич Кровяков где-то раздобыл множество железных кроватей, их застлали новеньkim постельным бельем и расставили в том же порядке. Когда бывшие детдомовцы, отревев свое в саду, приехали в Слевки и зашли в старые стены, а потом и в «спальню», сначала воцарилась мертвая тишина, а потом вновь из глаз брызнули слезы и все кинулись к своим кроватям. Не ошибся ни один. Они просто вернулись в детство, хотя стали такими разными, и их так разбросала в разные стороны жизнь...

Как Славка Сухоруков корову выдоил

Вот лишь некоторые из многих тех, кого вспомнила Нина Федоровна Тягунова.

Николай Осипов, живет в Челябинске, с Тягуновыми поддерживает связь, они гостят друг у друга, и он стал даже им кумом. Валя Пастернак (Махнева), воспитанница, а потом и сотрудница детдома, живет в Братанниках, потому что когда-то «охмурил» ее приехавший работать в детдом шофером Серега Махнев из соседней деревни. Миша и Слава Сухоруковы... Последний ласковый до привязчивости, но страшный шалун и выдумщик. Однажды у пасущейся мирно «местной» коро-

вы прямо из сосков выдул чуть ли не все молоко. Где они, братья Сухоруковы, неизвестно.

Любимицы Аня и Уля Глаголевы. Уля живет в Риге, а Аня жила в Днепропетровске. Когда Аня после сложной операции на сердце в начале 80-х умерла, Нине Федоровне пришло письмо от ее мужа с последней фотографией любимицы и благодарными словами за любовь к покойной...

Ну, про Филю Щербакова вы уже знаете. Галя и Аля Лапкины живут в Петропавловске, Владимир Степанов в Чебаках, Виктор Силин – в Клюквенном, Валя Хомякова (Пяткова) – в Кособродске.

Умер так и связавший свою жизнь с Серебряным, а потом и Слевками, Кузьма Родин, ушел из жизни Иван Рябуха, сапожник, известный на всю станцию. Нет и Лиды Тишковой, которая и организовала ту единственную встречу в 1982 году.

Нина Федоровна помнит Гену и Колю Осиповых, Валю Ожигову, Зою Поваренкину, Ваню Ненастенко, Федю Ковачинского, Веру Голову, Галю Маргунову и многих-многих других. Они ей писали и пишут из Москвы, Жуковского, Челябинска, Барнаула, Риги. Наверное, им никогда уже не встретиться вместе. Совсем зарос сад, спорело и здание бывшего детского дома, вчерашние девчонки и мальчишки давно пенсионеры и все труднее им пускаться в путь. Да и кто соберет? Возраст не тот, время не то. Остались только фотографии да письма.

- Я смотрю на эти снимки. Мне все как родные, я всех помню, всех люблю, так рвется сердце их всех увидеть, - не скрывая слез, шепчет Нина Федоровна, глядя на пожелтевшие фото.

Наверное, и у тех военных и послевоенных мальчишек и девчонок рвется сердце сюда, где осталось их детство, где их дом родной. Когда в 1958 году этот дом расформировывали, безжалостно разъединяя сроднившиеся, сросшиеся судьбы и жизни, рев стоял над Серебряным. Ребятишки рвались из машин, прятались в

опустевших спальнях, а их вылавливали и увозили — кого — куда. Но они не забыли друг друга. Не забыли и тех, кто заменил им родителей.

Вместо эпилога: «Письма из детства»

«Здравствуйте, уважаемая Нина Федоровна! Каждое ваше письмо заставляет меня вернуться в то далекое и близкое детство. Вот побывала я за свою жизнь не в одном детдоме, а в памяти остался только Серебрянский. Может знаете, где же Галя Грекова, Таня Савченко, Шура Вяткина, Аля и Тая Киселевы, Валя Черных, Физа Самохвалова, Саша Мыльников, Саша Дологузов? Я была бы рада о них узнать.

Шура (Александра Пешкова), г. Барнаул

«Не могла читать без слез ваше письмо. Вы относились ко мне больше, чем мать. Мне так тогда нужна была ласка, и я получала ее от вас, поэтому запомнила вас на всю жизнь. Своим трем детям я отдаю всю материнскую любовь, стараюсь, чтобы они не знали горечи сиротства, которую испытала я. У меня все хорошо, муж не пьет, не курит, дети тоже хорошие. В общем, жизнь моя сложилась хорошо.

Целую, Нина (Нина Горбунова, г. Челябинск)

«Дорогая Нина Федоровна, здравствуйте! Пишет Вам Уля и ее семья... Я все помню, как были с сестрой Аней в детдоме, как я болела свинкой, а вы приходили ко мне в изолятор, приносили гостинцы. Я вас представляю такой же молодой».

Уля Симонова (Глаголева Ульяна, г. Рига)

«После 7-го класса нас, мальчишек, направили учиться в Петуховский техникум. Это было в 1946 году. Дет-

дом помогал обувью и одеждой. А летом мы приезжали в Серебряное и помогали нашим по хозяйству, работали в колхозе от детдома – заготавливали дрова, убирали хлеб. В 1949 году получили дипломы, и меня завхоз детдомовский Зырянов Ефим Васильевич привез на работу в Б.-Курейнскую МТС. Устроил на квартиру. И началась моя самостоятельная жизнь.

Михаил Дроздов, г. Екатеринбург

«В войну мы ходили на поле села Слевки – это примерно 3-4 километра от Серебряного. Однажды в жару у меня случился солнечный удар, так две девочки тащили меня 6 часов – ноги отнялись. Потом на сбре колосков покусали комары – началась малярия. Чуть не умерла – не было лекарств. Потом достали хинин, от которого я временно оглохла, а позднее и покелтела вся. Но отошло. Особенно тяжело было собирать колоски – все были босиком, и ноги постоянно болели от порезов и ран».

«...У меня не квартира, а дом приезжих. Все наши детдомовские в Москву приезжают – кто лечиться, кто детей учить, кто посмотреть столицу, кто просто проездом. Всех принимаем радушно... Как сложилась судьба Риммы и Дины Каргапольцевых? Коли Осипова и его сестер? Кузьмы Родина? У меня муж – тоже детдомовец, очень добрый и порядочный человек, и живем мы с ним душа в душу».

Вера Голова (Лагова), г. Москва

«... Помню, как нас привезли в 1941 году к вам в Серебряное. У вас озеро было большое, соленое. В первый раз нам дали чай – а он соленый. Потом привыкли. Зимой, когда было холодно, в школу не ходили – на ногах-то колодки, а не обувь, так к нам учителя приходили

в детдом, уроки вели. Не могу больше писать – слезы подступают, страшно подумать, в каких условиях мы жили... Нас было две сестры Лиза и Нина Тришины». «Директора, Марию Яковлевну, запомнила на всю жизнь. Яркой красоты лицо у нее было. Но мы боялись ее ужасно. Иногда под койки залезали, когда слышали, что она зашла в длинный коридор детдома. Когда она должна была приехать из Макушино – выходили встречать на дорогу. Далеко шли. Ждали, что она привезет что-нибудь. Как дети ждут гостинцев от родителей. Когда она злилась (например, когда коровы местных заходили в наш огород) – топала ногами. Но тогда это было, наверное, нужно. По сравнению с ней воспитатели, даже с высшим образованием, казались бледной тенью. Завхоз из нее был хороший. Но это я так, не ругливо пишу. Нина! Может, тебе что-то надо, не стесняйся, спрашивай. Мы тут мыла хозяйственного на работе купили, еще по старой цене. Может с мылом плохо у вас? Я вышлю, а то порошок дорогой...»

Галина Маргунова, г. Челябинск

«Вспоминаю самые трудные, но зато интересные детские годы. Особенно я хорошо помню Вас, Нина Федоровна, учительницу русского языка Феклу Варфаламеевну. Где Коля Шмаков, что воду возил с песнями? Где живет тетя Нюра, кладовщица? Где Витя Чулков, он был местный, но сидел в школе со мной за одной партой? Я живу в Москве – это моя родина. Но Серебряное – это мой второй дом, если не первый! Мне все там дорого. Как хочется вернуться в детство, в родные края, встретиться с вами, самыми близкими людьми».

Ваш воспитанник Филя (Филипп Щербаков)

г. Москва

Елена Васильева

г. Макушино